

ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛИЗМА

Кузнецов Александр Сергеевич
аспирант Института философии и права
УрО РАН

Исследование процессов регионализации стало одним из ведущих направлений в современной политической науке. События конца 20 и начала 21 века, связанные с исчезновением биполярности, с появлением новых асимметричных угроз, стали рассматриваться в широком контексте глобальных тенденций, к числу которых однозначно была отнесена и проблема регионализма.

В результате политологических дискурсивных практик сложился определённый «понятийный пул», в котором выкристаллизовалось несколько основных пониманий термина «регион» с достаточно чёткими своими смысловыми «маркерами» и «демаркаторами». Для одной группы исследователей, в первую очередь для основной массы геополитиков, регион – это близлежащие страны, связанные определёнными историческими, культурными и цивилизационными узами. (Например, Средняя Азия, Ближний Восток и т.п.). Для второй группы учёных регион представляется, в первую очередь, как хозяйственно-экономическая общность (Дальний Восток, Поволжье и т.п.). Третья группа рассматривает регион как территориально-административную единицу в составе государства (земли в Германии, провинции в Канаде, субъекты федерации в России и т.д.). Таким образом, очевидно, что понимание термина «регион» и соответственно понимание сопутствующих понятий «регионализации», «регионализма» будет зависеть от конкретного контекста, в котором работает исследователь.

Одним из методов в борьбе с категориальными

провисаниями может стать интеграция неологизмов в понятийный аппарат российского политологического дискурса. Если мы обратимся к трудам наших западных коллег, то мы увидим, что широкое понятие «region» (регион) дробится несколькими терминами, которые подчёркивают специфику понимания исследователем данного концепта. Так, когда исследователь использует термин «area», то подчёркивается «пространственная сущность» региона. Использование термина «federated constituent» подчёркивает федеративную принадлежность исследуемого объекта. Термин «subnational unit» говорит нам, что исследователь анализирует регион как территориально-административную единицу вне зависимости, является она составной частью федеративного или унитарного государства.

В данной работе автор рассматривает понятие «регион» именно как субнациональную единицу. Исходя из этого, регионализм понимается как глобальная тенденция, при которой решения, затрагивающие режим функционирования ведущих политических и экономических акторов, все в меньшей степени связаны с государственным (национальным) регулированием и все в большей — с теми силами, которые находятся на субнациональном уровне. При этом необходимо отметить, что в этом контексте регионализм чаще всего рассматривается в связке с феноменом глобализации. Глобализация и регионализация предстают в виде двух противоположных по вектору сил, которые растаскивают полномочия национального государства по оси вверх на наднациональный уровень и вниз на субнациональный. Вполне естественным, в связи с этим, стало изучение динамики смещения идентичности по этой оси.

Анализируя идентичность через призму глобализации, многие авторы, в особенности российские, убеждены, что «главный вопрос современности» состоит в том, удержат ли существующие цивилизации и нации свою идентичность или придут к некому единому миру, в основе своей западоцентричному. Переосмысление цивилизационной идентичности и национального культурного наследия в ряде случаев у российских исследователей превращается просто в спор на стороне славянофилов или западников или в очередное заочное оппонирование теориям Фукуямы и Хантингтона.¹

Важно отметить, что усиление интереса к идентичности в рамках изучения глобализации

связано и с активизацией феминистского и экологического направлений.² Как отмечает Залевски, феминисты привлекли наше внимание к множественности феномена идентичности, подвергнув критике основные парадигмы в теории международных отношений – реализма, плюрализма и структурализма – за игнорирование проблем идентичности и узость методологически-позитивистских подходов.³ Изучение процессов глобализации демонстрирует нам, что проблема идентичности является чрезвычайно сложной, и её традиционное понимание, базирующееся на этническом, языковом, цивилизационном или национальном параметрах, должно дополняться гендерными, экофилософскими характеристиками.

Обращаясь к проблеме региональной идентичности, а в нашем случае более точно будет говорить - к субнациональной идентичности, можно отметить следующее. Во-первых, субнациональная идентичность является относительно искусственным конструктом, который строится посредством экстраполирования определённой «региональной идеи» на отдельно взятую территориально-административную единицу. Эта «региональная идея» является в некотором смысле аналогом «национальной идеи» и, как пишет исследователь Туровский, определяет своеобразие отношения региона с государством в целом и внешней средой.⁴ Во-вторых, так как эта идентичность конструируется искусственно и направляется от субнациональной элиты жителям региона, она может претерпевать значительные корректировки при кардинальной смене властвующей элиты. В-третьих, успешное проникновение субнациональной идентичности в самоидентификационное поле граждан во многом зависит от качества «региональной идеи» и от уровня силы и значимости национальной идеи, а соответственно национальной идентичности. В-четвёртых, если субнациональная единица является местом проживания какого-либо титульного этноса, который в масштабах всей страны является меньшинством, то «региональная идея» будет, скорее всего, строиться на этническом факторе. Среди ярких примеров носителей этнической территориальной идентичности можно вспомнить Квебек, Уэльс, Фландрию, Татарстан. Практически для всех этих регионов на разных этапах их становления характерно стремление к той или иной степени автономности, разыгрывание «этнической карты» для торгов с центральными властями. В-пятых, территории с государствообразующим этносом закладывают в основание «региональной идеи» исторические особенности, экономические факторы и географическое положение. Как отмечает Туровский, у таких акторов развиваются региональная мифология, символика, патриотизм, создаётся местный «пантеон героев», определяются несомненные интересы, осознаётся и подчёркивается особое положение региона в рамках государства.⁵

На российском фоне особо можно выделить несколько групп субъектов федерации, которые использовали для построения идентичности тот или иной из вышеперечисленных факторов. «Региональная идея» Калининградской и Сахалинской областей лежит в ракурсе их особого географического положения. Несмотря на гигантское расстояние между этими двумя территориями, у жителей обеих областей очень схожее восприятие окружающего внешнего мира: и те и другие имеют ментальность «островитян» с вытекающими отсюда последствиями. Чувство калининградцев и сахалинцев по отношению к «континентальной» России аналогично чувству англичан к континентальной Европе. Эта субнациональная идентичность, основанная на специфике географического местоположения, воспринимается значимой самими жителями регионов, а также посторонними.

В качестве примера региона, строящего идентичность на фундаменте культурно-исторических особенностей, можно привести Краснодарский край. Идея возрождения кубанского казачества стала одной из доминантных с начала 90-х годов. Исторически казачество являлось особой составной частью российского общества. Тот статус, который имели казаки в российской истории на протяжении нескольких веков, позволил лёгко местным элитам реанимировать все символические и материальные атрибуты казачества в сознании жителей Кубани. При этом, как отмечалось выше, если «этнические карты» используются для торгов с центральными властями, то в случае Кубани, «региональная идея» была направлена местной элитой на борьбу с «внутренними врагами» в лице представителей других этнических групп. Вспомним, хотя бы экс-губернатора Краснодарского края Кондратенко, который неоднократно делал выпады в сторону ряда народностей, проживающих в регионе. Смена элит (приход на губернаторский мостик Ткачёва) несколько скорректировала это явление.

Субнациональная идентичность Свердловской области строилась, главным образом, на идее особого экономического значения региона для страны. В региональный политический дискурс была введена понятийная стилистика, насыщенная символизмом и метафоричностью, которые использовались для создания региональных политических мифов. Более того, в начале 90-х годов элита региона призывала федеральный центр признать территорию в качестве особого этноса (идея Уральской республики). Это желание было тоже продиктовано, в первую очередь, экономическими факторами – статус республики давал больше экономических и политических предпочтений.

В целом, необходимо подчеркнуть, что субнациональная идентичность, хотя и не носит очевидный «конгломеративный» характер, стала

одной из важных форм самоидентификации граждан. При изучении процессов регионализации, например, участия субнациональных акторов в международных отношениях, исследования идентичности позволяют выявить новые ракурсы этой проблемы, поэтому изучение идентичности в контексте процессов регионализации представляется весьма перспективным направлением в современной науке.

Автор благодарит Фонд поддержки отечественной науки

1 См. например, работы Панарин А. «Реванш истории» М.1998, Цымбурский В. «Народы между цивилизациями». // Pro et Contra 1998 #3

2 Мухарямов Н. «Этнический фактор в постсоветских исследованиях МО». // Российская наука международных отношений: новые направления. М.2005, стр.301

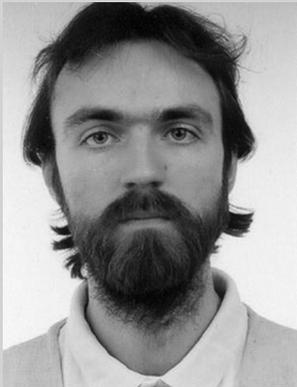
3 Залевски М., Энло С. «Вопросы идентичности в международных отношениях». // Теория международных отношений на рубеже столетий. М.2002 стр.309

4 Туровский Р. «Основы и перспективы региональных политических исследований». // ПОЛИС №1 2001

5 Туровский Р. Там же.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЭЛИТ. ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Славомир Горак

Славомир Горак
(Чехия)

сотрудник кафедры российских и восточноевропейских исследований факультета социальных наук Карлова университета, Прага.

В традиционном смысле к элитам в Центральной Азии можно применить их классическое в мусульманском мире разделение на кочевые и городские/сельские элиты, означаемые арабскими терминами *бадава* и *хадара*.. Современная литература употребляет термины племя (англ. *tribe*) и клан (англ. *clan*) соответственно. В Центральной Азии применяется система кланов к Таджикистану или Узбекистану и племенные отношения для Казахстана (*жузы*), Кыргызстана или Туркменистана. Однако полная картина элит выглядит гораздо сложнее. Более того, за последнее столетие произошла в среднеазиатских странах беспрецедентная трансформация элитных структур.

Вопрос заключается в том, насколько реально сохранились традиционные властные институты «дореволюционной» Средней Азии до нынешнего времени. На основе биографического метода и использования методики интервью представляется возможным выделить несколько типов политических элит, отчасти решая этим поставленную проблему.

Отправной точкой для работы стало использование четко различающихся терминов – традиционные кланы/племена и политические (современные) кланы. Предполагается, что современные элиты во многом возникают на основе традиционных соответствующих образований.

Исторические предпосылки создания современных кланов

Если углубиться в традиционный социальный строй, то у среднеазиатских народов обнаруживаются два основных идентитета – родовой и территориальный. Нельзя согласиться с некоторыми авторами, которые совмещают эти два типа с соответственно кочевыми и оседлыми народами региона. Кроме этих двух идентитетов формировались и более «национальные» идентификации, как у самих «народов» в отношении к другим и, наоборот, внешнего мира по отношению к ним.

После установления советской власти начались коренные преобразования местных элит. Исчезли бывшие правящие элиты (светские и религиозные), на смену которым пришли новые - партийные. Однако и они сохраняли устойчивые связи со своими традиционными структурами. Традиционная борьба последних осуществляется уже под маской новой, формально большевистской, общности. Таким образом, создавалась некая гибридная клановая структура на основе традиционных и